

Высшее профессиональное образование

БАКАЛАВРИАТ

А. М. КАМЧАТНОВ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

XI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

*Учебное пособие
для студентов учреждений
высшего профессионального образования,
обучающихся по направлению подготовки
«Педагогическое образование» (профиль «русский язык»)*

2-е издание, исправленное

Москва
Издательский центр «Академия»
2013

УДК 808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-03я73
К188

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
общего языкознания Московского педагогического
государственного университета *И. Г. Добродомов*;
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
мировой литературы Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина *С. Н. Травников*

Камчатнов А. М.

К188 История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А. М. Камчатнов. — 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2013. — 688 с., илл. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-7695-9671-1

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 050100 — Педагогическое образование (профиль «русский язык», квалификация «бакалавр»).

Пособие представляет собой изложение истории русского литературного языка от времени его возникновения до второй половины XIX в. Основное внимание уделено принципам употребления языка, обусловленным культурно-языковой ситуацией — историей русского государства, православной церкви, русской литературы и культуры, менявшейся на протяжении тысячи лет существования русского литературного языка.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть рекомендовано аспирантам и преподавателям вузов, учителям школ.

УДК 808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-03я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Камчатнов А. М., 2013

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2013

ISBN 978-5-7695-9671-1

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2013

Курс «История русского литературного языка» входит в программу подготовки студентов филологических факультетов университетов и педагогических вузов, однако, в отличие от курсов старославянского языка или исторической грамматики русского языка, он еще не обрел содержательной определенности. В существующих учебниках можно заметить, при всей условности этого различения, две тенденции в понимании самого предмета курса.

Одни авторы полагают, что история русского литературного языка — это история **языковой нормы**. При таком понимании на первый план в изложении истории выдвигаются проблемы орфографии и морфологии. К такого рода книгам можно отнести «Историю русского литературного языка XI—XVII вв.» Б. А. Успенского (3-е изд. — М., 2002) и «Историю русского литературного языка» М. Л. Ремневой (М., 1995).

Другие авторы полагают, что история русского литературного языка — это история **языкового употребления**, в связи с чем на первый план выдвигаются вопросы стиля и соответственно лексики, фразеологии и синтаксиса. Такое понимание предмета истории русского литературного языка было высказано в трудах Н. С. Трубецкого и В. В. Виноградова и развито учениками последнего. Это понимание предмета нашло выражение и в учебном пособии, предлагаемом вниманию читателей.

Сами принципы языкового употребления удобно обозначить термином *языковая ситуация*, которая определяется культурно-историческим контекстом той или иной эпохи. Поэтому существенным компонентом, входящим в историю русского литературного языка, является анализ политических, религиозных, идеологических и историко-литературных элементов, образующих данный контекст. В отличие от недавней эпохи господства «единственно верного учения», современное состояние в области культурологии и историософии характеризуется огромным разнообразием мнений, так что всякая попытка уяснения культурно-исторического контекста неизбежно является сугубо индивидуальной. Авторский характер изложения культурологических и историсофских вопросов является одной из особенностей данного учебного пособия.

Другой существенной чертой учебного пособия является обилие источникового материала, на что мы пошли совершенно со-

знательно, исходя из трех обстоятельств. Во-первых, учебное пособие, по нашему мнению, должно быть самодостаточным: студент должен найти в нем все необходимое для полноценного усвоения курса. Во-вторых, существующие хрестоматии отчасти устарели, отчасти стали труднодоступными из-за давности их издания. В-третьих, в библиотеках многих вузов, особенно провинциальных, даже преподаватель не всегда может найти необходимые ему источники. Учитывая эту нужду, мы и снабдили учебник обилием разного рода примеров из труднодоступных источников. Для того чтобы воспитывать у студентов вкус к исторической подлинности и учить постигать источники в их собственных, неадаптированных, формах, мы всюду старались сохранять их орфографию и пунктуацию.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить благодарность моим друзьям и коллегам: Игорю Георгиевичу Добродомову, Василию Георгиевичу Морову и Сергею Николаевичу Травникову, чьи советы и замечания помогли избавить учебник от многих недостатков. Особая признательность моей жене Юлии Борисовне Камчатновой, чья деятельная помощь и поддержка сопровождали всю работу над этой книгой.

§ 1. Предмет истории русского литературного языка

В программе подготовки филологов-русистов имеются два предмета со схожими названиями: «Историческая грамматика русского языка» и «История русского литературного языка»; различие между этими дисциплинами заключается в их точке зрения на язык. Обобщенно говоря, «языкознание может рассматривать язык со стороны его строя и со стороны его употребления»¹. Историческая грамматика изучает строй, или систему, языка в его историческом развитии; при этом она отвлекается от конкретного употребления языковых единиц в тексте. Например, рассматривается система фонем и ее эволюция — от индоевропейского праязыка через праславянский диалект балто-славянского праязыка, общеславянский язык, древнерусский язык до современного русского языка. При этом памятники письменности служат источниками, из которых лингвисты черпают сведения об этой эволюции, но сами по себе они лингвистов практически не интересуют: иначе говоря, им все равно — что Св. Писание, что кабацкая книга, последняя даже лучше, поскольку более непосредственно отражает говор писца.

Другое дело — изучение языка со стороны его употребления. Под употреблением понимают «совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий языкового общения»², а также способы организации текста при помощи этих единиц. В силу тесной связи, существующей между понятиями «употребление» и «текст», история литературного языка имеет очевидный **филологический** статус. Изучая тексты с точки зрения употребления, лингвисты прежде всего стремятся к тому, чтобы объединить их в группы на основе каких-то существенных признаков, т.е. стремятся выявить типы, разновидности употребления языка. Такие типы, или разновидности, употребления языка принято называть языковыми стилями, общепринятым определением которых является следующее: «*Функциональный стиль* — разновидность ли-

¹ Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. — М., 1984. — С. 5.

² Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избранные труды по русскому языку. — М., 1959. — С. 221.

тературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере»¹. Поэтому вслед за Г. О. Винокуром можно сказать, что история русского литературного языка есть не что иное, как историческая стилистика русского языка². Описание исторически существовавших языковых стилей в их системных отношениях — первая задача истории русского литературного языка. Следующей задачей является выяснение того, как данная система возникла и какие лингвистические и экстралингвистические факторы сыграли при этом решающую роль. Затем нужно выяснить, какие культурные функции выполнял каждый стиль языка. Наконец, необходимо установить, что послужило причиной разрушения этой системы и возникновения новой. Но и этим не исчерпываются задачи истории русского литературного языка. Нужно окинуть общим взором всю историю русского литературного языка и попытаться установить, какая же закономерность действовала в истории, прокладывая себе путь через все случайности развития русского литературного языка, когда и кем эта закономерность была осознана и стала принципом сознательного регулирования литературно-языкового развития.

§ 2. Связь истории русского литературного языка с другими предметами исторического цикла

История русского литературного языка находится в тесной взаимосвязи с рядом иных исторических и лингвистических дисциплин.

Во-первых, она связана с исторической грамматикой русского языка. Дело в том, что объективные изменения в строе языка оказываются одной из причин изменения в системе стилей литературного языка. Поэтому знание исторической грамматики — необходимое условие овладения и историей литературного языка.

Во-вторых, она тесно связана с историей русской литературы. Возникновение новых направлений в литературе оказывает то или иное воздействие на всю систему литературного языка. Этот момент также важно учитывать как один из факторов эволюции русского литературного языка.

В-третьих, она непосредственно взаимодействует с историей культуры. Изменения в характере культуры, например появление новых сфер культурной деятельности — науки или газетной публицистики, оказывается одним из мощных внешних факторов

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 567.

² См.: Винокур Г. О. О задачах истории языка. — С. 222.

формирования и эволюции системы языковых стилей, норм стилового употребления языка.

В - четвертых, она отражает произошедшие исторические изменения в государстве и обществе: внутреннюю и внешнюю политику государства, войны, союзы, выход на историческую сцену новых социальных сил; все это так или иначе отражается на литературном языке.

Таким образом, хотя история русского литературного языка — это особая лингвистическая дисциплина со своим предметом, она является в то же время комплексной исторической дисциплиной ввиду того, что сам ее предмет — употребление языка — имеет многосторонние связи с жизнью общества в целом.

§ 3. Природа литературных языков

Как верно замечено Г.А.Хабургаевым, «в русском языкознании сложилась устойчивая традиция разграничения двух историко-лингвистических дисциплин, одна из которых, получившая после известной книги Ф.И.Буслаева название “исторической грамматики”, изучает историю русской “народно-разговорной” речи, другая — историю литературного языка»¹. Это разграничение обусловлено разной природой этих двух феноменов — живого народного и литературного языков. Это различие носит, как будет показано ниже, универсальный характер, но на русской почве в силу определенных культурно-исторических причин оно проявилось особенно рельефно.

В вопросе о природе литературных языков мы опираемся на некоторые общелингвистические положения, высказанные Н.С.Трубецким в книге «К проблеме русского самопознания».

Первое положение касается различий в характере эволюции народных и литературных языков. «Язык народный имеет наклонность к диалектическому² дроблению, тогда как литературный, наоборот, имеет наклонность к нивелировке, к установлению единообразия»³. Так, «когда мы говорим, что праславянский язык развился из индоевропейского праязыка, а русский язык — из праславянского, то при этом представляем себе следующий процесс: каждый живой народный язык всегда заключает в себе несколько диалектов, каждый из которых стремится к обособлению; обычно все диалекты одного языка развиваются параллельно и

¹ Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры. — М., 1994. — С. 12.

² Ныне вместо термина *диалектический*, являющегося философским, употребляются термины *диалектный* и *диалектологический*.

³ Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М., 1995. — С. 162.

претерпевают более или менее одновременно одни и те же изменения; но наряду с этими общими всем диалектам данного языка изменениями каждый отдельный диалект претерпевает и другие изменения, свойственные лишь одному ему или разве еще некоторым соседним диалектам; с течением времени таких частнодиалектических изменений накапливается все больше и больше, нарушается и самый параллелизм развития, т. е. даже одни и те же изменения в разных диалектах следуют друг за другом не в одном и том же порядке, что еще углубляет различие между диалектами; наконец наступает такой момент, когда изменения, общие всем диалектам данного языка, вообще перестают возникать, а возникают лишь изменения, свойственные отдельным диалектам или группам таких диалектов; с этого момента данный язык можно считать уже *распавшимся*, т. е. утратившим свое единство как “субъект эволюции”, и единственными “субъектами эволюции” оказываются уже отдельные диалекты»¹. С этого времени можно считать данный диалект превратившимся в особый язык. Что касается праславянского языка, то «верхняя» хронологическая граница его существования устанавливается Н. С. Трубецким по времени последнего общеславянского фонетического процесса — падения редуцированных: за момент распада праславянского языка на отдельные славянские языки «можно принять момент последнего изменения, общего всем диалектам данного языка. По отношению к праславянскому языку таким последним изменением, свойственным всем диалектам этого языка, является так называемое “падение слабых еров”. <...> У южных славян слабые **ъ** и **ь** исчезли очень рано, во всяком случае уже в XI в. (местами, может быть, даже в X в.), а от южных славян исчезновение слабых **ъ**, **ь** передалось другим славянам, причем наиболее отдаленных частей славянской территории (например, русского севера) это явление достигло только к XIII веку»². Таким образом, праславянский язык просуществовал до XII века. Отсюда следует чрезвычайно важный вывод о том, что XI век был временем позднего общеславянского единства, когда лингвистические различия между южными и восточными славянами носили диалектный, а не языковой характер. В силу этого созданный святыми братьями Кириллом и Мефодием старославянский язык — первый литературный язык славян — ни в коем случае не был «чужим» для восточных славян. В нашем распоряжении есть свидетельство современника о единстве славянского языка: в «Повести временных лет» под 898 годом сказано: **а Словѣнскъ языкъ и Рускыи едины** (ПСРЛ II, 20). То же утверждается и в более по-

¹ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре. — С. 163—164.

² Там же. — С. 164—165.

зднем болгарском Хронографе 1512 года: коньстантинъ философъ и вратъ его мифодіе преложиша сватѣхъ книги отъ греческаго ѡззыка на словенскыи. болгарѣ же и словене. и сербѣ. и арбанастѣ. и васанѣ. и рѣсты — во всѣхъ тѣхъ единъ ѡззыкъ¹.

Литературные языки эволюционируют противоположным образом. «Если мы присмотримся к литературным языкам современной Европы, то заметим, что каждый из этих литературных языков распространен по сильно дифференцированной лингвистической территории, обнимающей несколько сильно отличных друг от друга наречий. При этом ни один из этих больших литературных языков Европы не совпадает вполне ни с каким живым народным говором»².

Таким образом, характер эволюции народных языков заключается в распадении некоторого единства, превращении единого языка во множество языков; эволюция литературных языков, наоборот, заключается в объединении множества диалектов в некое единство, не совпадающее ни с одним отдельным диалектом, носящее наддиалектный характер.

К этому нужно добавить следующее. Из рассуждений Н. С. Трубецкого следует, что эволюция народных языков представляет собой естественно-исторический процесс, тогда как эволюция литературных языков — это культурно-исторический процесс. Никакая воля и творческая инициатива не в силах отменить или направить в какую-либо сторону развитие живого языка. Напротив, литературные языки создаются людьми, культурной элитой общества, среди которой особое значение имеют создатели и реформаторы литературных языков. История народных языков безлична, а история литературных языков всегда носит личный характер.

Второе положение касается назначения литературных языков, которое объясняет причину в различии эволюции. «Дело в том, что назначение настоящего литературного языка совершенно отлично от назначения народного говора. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы, в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и политической мысли. Для этих целей ему приходится иметь совершенно иной словарь и иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры»³.

¹ Цит. по: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии. — Л., 1930. — Т. I. — С. 172.

² Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре. — С. 165—166.

³ Там же. — С. 166.

Такое же, но более развернутое определение назначения литературного языка находим в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», деятельным участником которого был Н.С.Трубецкой: «*Особый характер литературного языка проявляется в той роли, которую он играет, в частности в выполнении тех высоких требований, которые к нему предъявляются по сравнению с народным языком: литературный язык отражает культурную жизнь и цивилизацию (ход и результаты научной, философской и религиозной мысли, политической и социальной, юридической и административной деятельности).*

Интеллектуализация языка вызывается также необходимостью выражать *взаимозависимые и сложные мыслительные операции*; поэтому литературный язык обладает не только выражениями для абстрактных понятий, но и особыми синтаксическими формами (фразы с разного рода придаточными предложениями).

Интеллектуализация литературного языка проявляется *во все возрастающем контроле над эмоциональными элементами* (эвфемизмы).

С повышенными требованиями к литературному языку связан и более упорядоченный и нормативный его характер. Литературный язык характеризуется более широким функциональным использованием лексических и грамматических элементов (в частности, большая лексикализация групп слов и стремление избежать двусмысленностей, а в связи с этим большая точность средств выражения) и богатой шкалой социально-языковых норм.

Развитие литературного языка предполагает и увеличение роли сознательного вмешательства; последнее проявляется в различных формах реформаторских попыток (в частности, пуризма), в языковой политике и в более ярко выраженном влиянии лингвистического вкуса эпохи (эстетика языка в своих последовательных изменениях)¹.

Нередко в литературе встречается узкое понимание языка духовной культуры как языка церкви, языка культа, который характеризуется герметичностью и эзотеричностью, поскольку особые формы этого языка несут на себе основную смысловую нагрузку, тогда как в основе литературного языка лежит идея всеобщности, вседоступности, всепонятности². Такое соотношение между языком церкви и литературным языком, конечно, возможно. Именно таким оно является сейчас в России, когда богослужебным языком Русской православной церкви является церковнославянский язык. Но это вовсе не означает, что современный русский литературный язык перестал быть орудием духовной культуры, если ее понимать так широко, как это делает Н.С.Трубецкой.

Возникновение литературных языков связано с определенной стадией развития цивилизации и обусловлено двумя важнейшими

¹ Пражский лингвистический кружок. — М., 1967. — С. 26—27.

² См.: Шапир М.И. К вопросу о социокультурном определении литературного языка // Проблемы языкового варьирования и нормирования. — М., 1988. — С. 67.

факторами — государственностью и религиозными представлениями народа. Возникновение государства всегда сопровождалось утверждением официального религиозного культа. Соответственно его язык становился важнейшей составляющей литературного языка этого государства. Так, грабар — древний армянский литературный язык — был создан Месропом Маштоцем в связи с крещением армян; готский литературный язык, созданный Ульфиллой, возник при образовании остготского государства и крещении готов; многие восточные государства, принимая ислам, признавали в качестве государственного языка арабский. «Язык культа, неизбежно приобретающий функцию общего языка культуры, оказывался в этих условиях необходимым объединяющим фактором, а следовательно, и условием культурного прогресса, стоявшим над диалектной раздробленностью языка повседневного общения»¹.

Третье положение является следствием второго и касается взаимоотношений говоров и литературных языков. Даже если литературный язык возник на основе какого-то одного говора, то в силу своих задач ему невыгодно близкое родство с этим говором, поскольку ассоциация литературного языка с говором мешает правильному восприятию слов, которые вошли в литературный язык из говора, но приобрели в нем новые значения. Поэтому «при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором»².

Четвертое положение вскрывает причины не эволюционных, а революционных преобразований в истории того или иного литературного языка. Эта причина заключается в том, что народные говоры и в фонетическом, и в лексическом, и даже в грамматическом отношении развиваются гораздо быстрее, чем литературный язык, развитие которого задерживается школой и авторитетом классиков. «Поэтому наступают моменты, когда литературный язык и народные говоры представляют настолько различные стадии развития, что оба они несовместимы в одном и том же народноязыковом сознании. В эти моменты между обеими стихиями — архаично-литературной и новаторско-говорной — завязывается борьба, которая кончается либо победой старого литературного языка, либо победой народного говора, на основе которого в этом случае создается новый литературный язык, либо, наконец, компромиссом»³.

¹ Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры. — С. 15.

² Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре. — С. 166.

³ Там же. — С. 166—167.

Пятое положение касается внутренней дифференциации литературного языка и народного языка. Если народный язык делится на говоры по географическому принципу, то в литературном языке преобладает принцип специализации, функциональной дифференциации: «...образованные люди, происходящие из разных местностей, говорят и пишут не совсем одинаково, и по языку произведений писателя часто можно легко определить, откуда он родом, но гораздо сильнее выступают в литературном языке различия по видам специального применения, например различия между языком научной прозы, деловой прозы, художественной прозы, поэзии»¹. Иначе говоря, не существует местных разновидностей литературного языка — рязанской, курской или вологодской (отдельные элементы в языке писателей — не в счет), однако существуют весьма заметные лингвистические различия между стилями единого литературного языка — научным, деловым, публицистическим.

Наконец, шестое положение касается взаимодействия литературных языков. Если народные языки могут влиять друг на друга только тогда, когда их носители соприкасаются в пространстве и во времени, то «для литературных языков эти условия необязательны: данный литературный язык может подвергнуться сильному влиянию другого, даже если этот последний принадлежит к гораздо более древней эпохе и географически никогда не соприкасался с территорией данного живого литературного языка»². Так, русский литературный язык испытывал в разные периоды своего существования влияние греческого, голландского, немецкого, французского языков, хотя сами носители этих языков никогда не жили бок о бок.

Итак, природа литературного языка заключается: 1) в эволюционном объединении разнородных элементов в новое единство, имеющее наддиалектный характер; 2) назначении быть орудием духовной культуры; 3) заметной эмансипации от всех, взятых в отдельности, народных говоров; 4) революционных преобразованиях, вызванных несовместимостью в одном языковом сознании литературной «архаики» и народно-разговорной «новаторской» стихии; 5) внутренней дифференциации по видам специального употребления; 6) возможности испытывать влияния других литературных языков, не соприкасавшихся с ними ни в пространстве, ни во времени.

Говоря о природе литературных языков, необходимо определить понятия узуса и нормы. **Узус** — это обычай литературного употребления языка, живое сознание того, как можно и как нельзя писать. **Норма** же — это продукт научного изучения узуса; поня-

¹ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре. — С. 162.

² Там же. — С. 167.

тия узуса и нормы соотносятся как понятия сознания и самосознания: если узус — это живое сознание того, что литературно и что не литературно, то норма — это результат деятельности сознания, направленного на само сознание, результатом чего является описание узуса в виде отвлеченных правил, его кодификация в грамматиках и нормативных словарях.

Исторически литературный язык начинает функционировать как совокупность престижных, т.е. обладающих идеологическим достоинством, текстов. На этой основе возникает узус как привычное употребление языка. Позднее на основе узуса возникает абстрактная норма как стандарт, применимый ко всем видам текстов независимо от их достоинства¹. Процессам формирования круга образцовых текстов, узуса и нормы соответствуют три периода в развитии русского литературного языка (о периодизации см. ниже).

Во многих трудах по теории литературного языка в качестве его основного признака указывается его нормативность. Историк литературного языка не может принять это положение по трем причинам.

1. Литературный язык, чтобы быть нормативным, должен сначала просто быть; его бытие удостоверяется наличием литературы, текстов: «Убеждение, что литературный язык — не подлежащая никакому сомнению языковая реальность, выросло на почве понимания литературного языка как языка литературы»². Если есть литература, то существует и литературный язык, который в разные эпохи своего существования может иметь разный набор признаков.

2. Такой признак, как нормативность, возникает на определенном историческом этапе развития литературного языка из общественной потребности в его стабильности.

3. Сведение проблематики истории литературного языка к аспекту нормативности сужает сам предмет этой истории, возникает иллюзия, «будто бы описание этих норм адекватно описанию самого литературного языка той или иной эпохи»³. Если же мы принимаем определение литературного языка как орудие духовной культуры, то и его историю должно понимать как историю становления этого орудия в конкретных историко-культурных обстоятельствах.

История русского литературного языка есть не что иное, как выявление этой сущности, этой природы литературного языка во времени, в конкретных условиях русской истории. В любой мо-

¹ См.: Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. — Л., 1989. — С. 11—12.

² Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. — М., 1984. — С. 39.

³ Там же. — С. 47.

мент этой истории мы будем пытаться ответить на одни и те же вопросы: орудием какой духовной культуры является литературный язык? Какие именно элементы подвергаются синтезу в данный момент? Каков принцип дифференциации синтезированных элементов? Какие тексты признаны образцовыми, т. е. каков литературный узус в данное время? Насколько он осознан, т. е. как и кем нормализован? Когда началась борьба литературной архаики и народно-разговорной новизны, в каких внешних условиях она протекала и чем закончилась? Влияние каких иных литературных языков было существенным? Ответить на эти вопросы — значит описать языковую ситуацию той или иной эпохи, того или иного периода в истории русского литературного языка.

§ 4. Периодизация истории русского литературного языка

Всякая периодизация строится на основании каких-либо признаков. Что касается истории русского литературного языка, то разные исследователи предлагали в качестве оснований для периодизации два признака: 1) связь истории русского литературного языка с историей народа и государства, 2) выделение периодов на основании собственно языковых признаков, образующих в совокупности понятие языковой ситуации.

По первому основанию история русского литературного языка разделяется на периоды в соответствии с периодами, которые выделяет историческая наука, причем во внимание принимается как формы существования народа, так и различные государственные образования. Так, Н. А. Мещерский предлагает делить всю историю русского литературного языка на два больших периода — донациональный, с XI века по середину XVII века, и национальный, с середины XVII века до наших дней. Эти периоды Н. А. Мещерский разделяет на подпериоды: подпериод Киевского государства XI—XII веков, подпериод феодальной раздробленности XII—XIV веков, подпериод Московского государства XIV—XVII веков, подпериод постепенного становления норм современного русского литературного языка — середина XVII века до начала XIX века, подпериод «от Пушкина до Горького», т. е. подпериод развития русского литературного языка буржуазной нации, наконец, подпериод советский¹. Недостатками этой периодизации являются, во-первых, эклектичность признаков — этнических, государственных и собственно языковых и, во-вторых, то, что она практически ничего не говорит о самом литературном языке.

¹ См.: Мещерский Н. А. История русского литературного языка. — Л., 1985. — С. 19—20.

Примерно такова же и периодизация А. И. Горшкова. Он также выделяет две большие эпохи — донациональную и национальную, каждая из которых разделяется на периоды:

I. 1 — период древнерусской народности, XI — начало XIV века; 2 — период великорусской народности, XIV — 1-я половина XVII века.

II. 1 — период формирования национального русского языка, 2-я половина XVII века — начало XIX века; 2 — период развития русского литературного языка от Пушкина до начала XX века; 3 — период развития русского литературного языка в советское время¹.

В этой периодизации также эклектически смешиваются три признака — этнический, государственный и языковой и также ничего нельзя узнать о самом литературном языке.

В обеих рассмотренных периодизациях история русского литературного языка механически соединена с историей русского этноса и историей гражданского общества. Как ни важна эта связь, она все же не бывает непосредственной, история русского литературного языка не отражает в себе зеркальным образом гражданскую историю. Главное же заключается в том, что периодизация должна быть периодизацией истории самого литературного языка. Как же построить такую периодизацию?

В этом случае надо опереться на положения, развитые Г. О. Винокуром, который писал: «...если история языка хочет быть адекватной своему предмету и изучать реальность, а не абстракции, то она должна формулировать свою задачу следующим образом. В том историческом процессе, который представляет собой существование данного языка, должны быть выделены известные стадии, на каждой из которых изучаемый язык представляет собой систему, отличную от предыдущей и последующей. Каждая такая система должна быть изучена как реальное средство общения соответствующего времени и соответствующей среды, т. е. в исчерпывающей полноте тех внутренних связей и отношений, которые в этой системе заключены»². Из этих слов следует, что о периоде в истории литературного языка можно говорить лишь тогда, когда сам литературный язык этого времени включает в себе нечто особенное, отличающее его от литературного языка предыдущего и последующего периодов. Выше уже говорилось, что мы будем описывать особенность каждого периода в истории русского литературного языка в понятии языковой ситуации: каждый период характеризуется особой языковой ситуацией. Чтобы описать языковую ситуацию, надо ответить на вопросы, о которых мы уже говорили: сколько литературных языков существовало в это время? Орудием какой духовной культуры он/они были? Какие

¹ См.: Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. — С. 55—57.

² Винокур Г. О. О задачах истории языка. — С. 215.

именно элементы подвергаются синтезу в данный момент? Каков принцип дифференциации синтезированных элементов? Когда началась борьба литературной архаики и народно-разговорной новизны, в каких внешних условиях она протекала и чем закончилась? Влияние каких иных литературных языков было существенным? Исходя из ответов на эти вопросы, мы выделяем три периода в истории русского литературного языка.

I период — XI—XIV века, для краткости будем называть его киевским. Языковая ситуация характеризуется одноязычием; древнерусский язык, разделявшийся на три основных стиля — сакральный, славяно-русский и деловой¹, выполнял функции литературного языка.

II период — XV — 1-я половина XVII века, будем называть его московским. Языковая ситуация характеризуется двуязычием; функции литературного языка выполняли славянский и среднерусский² литературные языки. В славянском литературном узусе выделяются две разновидности: **московская** (XV—XVI века) и **юго-западная** (XVI—XVII века); после присоединения Юго-Западной Руси к Московскому государству юго-западная разновидность славянского языка вступает во взаимодействие с московской и в значительной степени вытесняет ее. Среднерусский литературный язык испытывает как влияние разговорной речи, так и славянского языка; основная сфера применения среднерусского литературного языка — деловая письменность. В этот же период на основе московского говора формируется общенациональное разговорное койне.

III период — 2-я половина XVII века — до настоящего времени, будем называть этот период периодом Нового времени. Языковая ситуация характеризуется разрушением двуязычия и постепенным формированием норм современного русского литературного языка. Этот период разделяется на несколько подпериодов: 1) в **Петровскую** эпоху на основе общенационального койне начинает складываться собственно русский литературный язык, характеризующийся, однако, крайней стилистической неупорядоченностью; 2) в **Ломоносовскую** эпоху формируется классицистская стилистическая система трех стилей и происходит

¹ Предупреждая возможное недоумение читателей, обративших внимание на то, что в названии трех стилей нет общего основания, считаем необходимым сделать следующую оговорку. Образование древнерусского литературного языка, как это будет показано ниже, представляло собой не *деление* целого на части по какому-то основанию, а *сложение* целого из гетерогенных частей; каждая из этих частей названа по наиболее заметному ее признаку.

² Обычно термин *древнерусский*, например, в сочетании *древнерусская литература*, относится к периоду с XI по XVII век. Мы же ограничиваем «древнерусское время» XIV веком, а для обозначения периода с XV по XVII век используем условный термин *среднерусский*.

нормализация русского литературного узуса в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова; 3) в послеломоносовское время формируется «славянорусская» школа Д. И. Фонвизина и И. П. Елагина; 4) на почве **сентиментализма** складывается «новый слог» Н. М. Карамзина; 5) на почве **реализма**, главным образом благодаря Пушкину, формируется новый литературный узус; 6) происходит нормализация этого узуса в грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова; развиваются функциональные стили русского литературного языка, славянский язык окончательно оттесняется в сферу культа.

В ходе дальнейшего изложения будет показано, как складывалась та или иная языковая ситуация, что она собой представляла, какие внешние и внутренние причины вызывали смену одной языковой ситуации другой.